

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИКИ. СЕМИОТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF LINGUISTICS. SEMIOTICS AND LINGUOCULTUROLOGY

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847
УДК 81'22:003

Научная статья / Research article

Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям

В.А. Маслова

Витебский государственный университет,
210015, Белоруссия, Витебск, Московский проспект, 33
✉ mvavit@tut.by

Аннотация. Лингвистика последних десятилетий стала проявлять меньший интерес к структуре языка и системным отношениям между его единицами, которые в целом достаточно хорошо описаны. На рубеже веков резко усилился интерес к проблемам взаимосвязи языка, сознания, культуры, ментальности, национального характера и поведения. Сам язык понимается как «зеркало» (хотя и кривое) реальности, человека, его внешнего и внутреннего мира. Такой широкий подход предполагает невозможность решить возникающие проблемы в рамках одной лингвистики, ей необходима помощь целого ряда смежных наук о человеке — от психологии, антропологии, социологии, культурологии до биологии, нейронаук и квантовой механики. Отсюда интерес к объединению наук. Цель данной статьи — теоретически осмыслить это новое явление и показать, что современная лингвистика должна отвечать требованиям времени и потому быть междисциплинарной, интердисциплинарной, интегративной; мы попытались установить соотношение традиции и новых идей в лингвистике третьего тысячелетия и показали, что возникающие в языке проблемы можно решить совместными усилиями представителей ряда наук. Результатами, полученными в данной статье, можно считать выдвижение таких первостепенных, на наш взгляд, проблем, которые могут сочетать объективный лингвистический анализ и результаты их разработанности в семиотике, теологии, психологии. Это такие феномены, как 1) глубинные семантически-прагматические процессы; 2) язык — средство выражения Божественной Истины; 3) язык и национальный характер. Полученные интегративные знания могут вскрыть некаузальные отношения в мире, обнаружить более глубокие законы бытия, например то, что сознание не жестко связано с языком, поэтому его едва ли может «схватить» ассоциативный эксперимент, хотя на это долго уповали психолингвисты. Физик Джон Уиллер с учетом экспериментов в квантовой физике доказал, что даже если мы просто смотрим на некоторый объект, то он изменяется под действием взгляда. Насколько же сильнее взгляда слова? Это предстоит выяснить в недалеком будущем в рамках интегративного подхода.

Ключевые слова: интегративность, глубинные семантические процессы, культурный компонент, ментальность, национальный характер

© Маслова В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Маслова В.А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 823—847. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847

UDC 81'22:003

Through the Synergetic Union of Linguistics and Other Sciences — to New Challenges and Directions

Valentina A. Maslova

Vitebsk State University,
33, Moscow Prospect, Vitebsk, Belarus, 210015
✉mvavit@tut.by

Abstract. In recent decades linguistics is less interested in the structure of language and the systemic relationships between its units, which are generally well described. At the turn of the century, we observe sharply increased interest in the problems of the relationship between language, consciousness, culture, mentality, national character and behavior. The language itself is understood as a “mirror” (though a crooked one) of reality, of a person, of his external and internal world. Such a broad approach supposes the impossibility of solving emerging problems as part of linguistics only; it needs the help of a whole range of related sciences about man — from psychology, anthropology, sociology, cultural studies to biology, neurosciences and quantum mechanics. Thus, we can see the interest in the integration of sciences. The purpose of this article is to conceptualize theoretically this new phenomenon and to show that modern linguistics must meet the requirements of the time and therefore it should be interdisciplinary and integrative; we tried to establish the relationship between tradition and new ideas in linguistics of the third millennium and showed that the problems arising in the language can be solved by the joint efforts of representatives of a number of sciences. The results obtained in this article allow us to put forward the issues that demand, in our view, immediate attention and show the importance of combining an objective linguistic analysis and the results of their research in semiotics, theology, psychology. These are such phenomena as 1) deep semantic processes; 2) language is a means of expressing Divine Truth; 3) language and national character. The obtained integrative knowledge can reveal non-causal relationships in the world, discover deeper laws of being, for example, the fact that consciousness is not rigidly connected with language, therefore it can hardly be researched by an associative experiment, although psycholinguists have long hoped for this. Physicist John Wheeler, taking into account experiments in quantum physics, proved that even if we just look at an object, it is changing under the influence of the gaze. How much stronger is the influence of a word? This is to be inquired in the near future as the part of an integrative approach.

Key words: integrativity, deep semantic processes, cultural attitudes, mentality, national character

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Maslova, V.A. (2021). Through the Synergetic Union of Linguistics and Other Sciences — to New Challenges and Directions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 823—847. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847

*Лингвистика, изучая самое человеческое,
что есть в человеке, никак не может
быть замкнутой областью знания...*
(Ажеж, 2003)

Введение. Постановка проблемы

Быстро меняющийся современный мир заставляет меняться и лингвистику: технологические изменения привели к формированию нового коммуникативного пространства, которое стало иным: опосредованным, потерявшим личность с вытекающими отсюда психологическими, интеллектуальными, коммуникативными, лингвистическими проблемами.

Если не решить эти проблемы, то хотя бы разобраться в них поможет современная лингвистика. По сути, данная статья — гимн лингвистике, она направлена против подходов-штампов и традиционных стереотипов в науке о языке. Если ранее она была рядовой гуманитарной наукой, изучающей «язык в самом себе и для себя», т.е. изучающая его структуру, системные связи его единиц и отчасти функционирование, наступило время, которое Е.С. Кубрякова называла приходом *панлингвистики*. Теперь без лингвистики невозможно решить проблемы мозга, сознания, человека как духовной сущности и др. Более того, стало ясно, что язык — самоорганизующаяся, самоопределяющаяся и динамичная система, которую невозможно регулировать, а можно лишь наблюдать, фиксировать и описывать. Акт наблюдения становится актом творения, т.к. сознание креативно и обладает воздействующей функцией [1].

Язык тесно связан не только с культурой, но и с духовным миром человека, его мышлением и сознанием, и если эту связь поставить во главу угла, то можно по-иному посмотреть на самые различные проблемы языка: «На основе... триады терминов — *язык, культура, человеческая личность* — могла бы быть создана другая лингвистика...» [2. С. 45—46]. Поэтому и возникает необходимость создания комплексной науки, которая позволит раскрыть взаимосвязь языка с другими аспектами личности — восприятием, пониманием, эмоциями, памятью, социальными структурами, познавательными процессами. В данной статье рассматриваются лишь некоторые вопросы, приоткрывающие завесу над тайной языка — попытка проникнуть в глубинные основы языка и ментальности, увидеть в языке Божественную Истину и др.

Цель данной статьи — теоретически осмыслить явление интегративности в науке и установить соотношение традиции и новых идей в решении конкретных проблем — выявлении специфики глубинных основ языка и человеческой ментальности, особенностей языка как средства выражения Божественной Истины; языка и национального характера, языка и ментальности.

Язык как сложный феномен: полипарадигмальность и интегративность его исследования

Как известно, лингвистика — это методологическая база для всей гуманитарной науки: разработанные в лингвистике методы исследования стали общими для многих гуманитарных наук (от сравнительно-исторического метода до дискурсивных методик). Поскольку язык тесно связан с мышлением, он становится главным инструментом упорядочения мира через его категоризацию и наделение категорий именами. При этом современные ученые все чаще пишут, что сознание и мышление не жестко связаны с вербальным языком. Американский нейрофизиолог Хьюбел Дэвид, лауреат Нобелевской премии 1981 года, сравнивал сознание с ветром: увидеть и поймать его нельзя, но мы видим результаты его деятельности — срываются крыши домов, гнутся деревья, случаются цунами. В.В. Налимов — крупнейший современный философ, лингвист, доктор технических наук, который еще в 80-е годы написал самую романтическую книгу о языке, считает, что нужно освободиться от локальности описания мироздания, при которой ученый конкретной специальности в этих рамках и изучает объект. Он пишет: «Взаимосвязано все, что обретено человечеством на пути становления: рациональное и иррациональное, эстетическое и мистическое...» [3. С. 31].

Язык предполагает принципиальную диффузность значений, их «плавающий» характер между несколькими словами сразу, что объясняется потребностями когнитивной сферы личности. Язык, как и сама личность, — инструмент вселенского уровня и подобия: современный человек время от времени ощущает свою связь с Творцом и космическими ритмами. Думается, что лишь в будущем выяснится, насколько тесно связаны язык и мышление, и поможет этому интегративный подход. Но уже сейчас можно с определенностью заявить, что связаны они по-иному, чем это видится традиционно.

В современной науке есть гипотезы о том, что язык сформировал наш мозг, самого человека и его культуру, что с его помощью можно создавать и изменять базовые убеждения человека. Более того, существует «языковой инстинкт», т.е. врожденная способность к языку, которая присутствует в геноме человека. Если это так, то язык отражает законы жизни, опыт человечества (реальный и субъективный, предметный и психический и др.). В начале двухтысячных годов начинают искать «метальную грамматику» [4], которая понимается как пред-знания, заложенные в человека Творцом. На существование такой грамматики неосознанно (провидчески) указывает поэзия, как это часто случалось в истории цивилизации: *«и прежде губ уже родился шепот»*.

Известно, что язык — отображает внешний человеку мир и его внутреннее состояние, включающее не только сферу сознания, но подсознательное. Русский философ И.А. Ильин писал, что язык — это «художественная риза ... души и духа» народа [5. С. 97]. Грегг Брейден и Линн Лаубер в своей работе «Квантовая формула любви» пишут: «Все вещи взаимосвязаны через Сознание. От самых отдаленных уголков открытого космоса, макрокосмоса, до

самых потаенных уголков внутреннего пространства, микрокосмоса, и квантовой физики — все является отражением одного Сознания» [6. С. 151]. Это высказывание отражает современную тенденцию синтеза, консолидации наук, объединения их для решения конкретной проблемы, как предвидел великий В.И. Вернадский, считавший, что нужно решать проблемы, объединяя знания «не по наукам, а по проблемам».

Итак, сам язык демонстрирует нам единство мира (в том числе единство разных видов искусства) через диффузную семантику: *чарующее звучание, светлый образ в музыке, красочное звучание в поэзии*; язык — чрезвычайно сложный и загадочный феномен, что делает многочисленными возможные подходы, выбор различных параметров его исследования и описания. Такое понимание привело к определению современной ситуации в лингвистике как полипарадигмальной (работы Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, Ю.С. Степанова и др.), что означает отказ от идеи исключительности одной какой-либо парадигмы и призыв комбинировать различные методы, подходы и области знания, которое существует во множестве конкретных форм своих проявлений.

Мысль об объединении лингвистики не только с другими гуманитарными науками, но и с естественными высказывалась давно: гносеологические попытки описания языка в античности уже были интегративными, т.к. в них объединялись философия, логика и языкознание. Интегративность как принцип исследования брали за основу В. Гумбольдт, Э. Бенвенист, Э. Сепир. Во второй половине XX века появились работы К. Леви-Стросса. Результатом интеграции стали социолингвистика (20-е годы XX века), психолингвистика (50-е годы XX века), компьютерная лингвистика, юрислингвистика (XXI век) и др. [подробнее: 7], а сами интегративные процессы были подстегнуты идеей антропоцентризма, который становится ведущим принципом лингвистики с 90-х годов прошлого века. Междисциплинарность как идеология научного исследования все глубже проникает в ряды исследователей. Это не только работы лингвистов с мировым именем (Вежбицкая 1996), но и исследования представителей региональной науки (Жаналина, Фот 2016 и др.).

Интегративность реализуется в работах, разных по объему, по уровню, по общей направленности. Постепенно интегративность становится ведущей мировоззренческой идеей всякого научного знания. Появились кибернетика, синергетика, теория триангуляции, когнитивистика, теория трансфера [см. об этом: 8]. Деятельностная и полилогическая природа общения, включающая поведенческие паттерны, тоже интегративны. С помощью интегративного подхода выявляются общие дискурсивные характеристики текста, более того, весь дискурс-анализ насквозь интегративен [9. С. 18]. В конце концов, ученым придется не просто смириться с размыванием традиционной номенклатуры наук, а приветствовать эти процессы.

Еще более десяти лет назад академик Ю.С. Степанов утверждал, что для успешного решения ряда проблем в гуманитарных науках нужен синтез научного знания с его философским осмыслением, а также учет художественного и религиозного подходов (например, его работы «Мыслящий тростник»,

«Концепты. Тонкая пленка цивилизации» и др.). Ю.С. Степанов так видел этот путь: постепенное расширение семиотики в сторону этики. В работе «Мыслящий тростник» Юрий Сергеевич относил к семиотике «всю современную культурологическую деятельность... связанную главным образом со знаками» [10. С. 117]. Он предлагает разработать теорию «нового расширения» семиотики и построения «новой антропологии», которые и создадут единое информационное пространство.

Интегративность имеет ряд близких по значению терминов — междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность и др. Некоторыми учеными они дифференцируются (И.В. Измайлов, Л.П. Киященко), но мы используем их как синонимичные, потому что в каждом термине отражен целостный взгляд на мир, каждый обозначает интегрированное знание. Снятие запретов на проникновение информации между разными науками, исследующими одну и ту же проблему, создает мощный фундамент для появления абсолютно новых знаний. Объем полученной информации может быть таким, что позволит решить дополнительные задачи. Примером может служить когнитивная лингвистика, объединившая в себе математику, информатику, логику, философию, психологию, антропологию, лингвистику и другие научные направления. Неожиданно открывшаяся при этом область исследования для лингвистов — языковая картина мира вообще и креативной личности в частности (лингвоперсонология, лингвистические типажи и др.). Интегративный подход позволяет реконструировать отдельные фрагменты языкового сознания, дискурсивное пространство с учетом коммуникативных, культурных, социальных составляющих. При этом приращение знаний в каждой из наук происходит за счет суммирования идей разных наук, это приводит к расширению самой проблематики исследований.

Без интегративного подхода невозможно исследовать сложные феномены, к которым относятся язык, культура, сознание. Он становится важным мировоззренческим направлением всей науки XXI века. В результате усилий не только лингвистов современная наука о языке, как пишет Е.В. Падучева, «инкорпорировала в себя теорию речевых актов, теорию референции, вообще прагматику и тем самым получила в свое распоряжение аппарат, позволяющий описывать смыслы таких единиц, которые раньше были ей не под силу...» [11. С. 47]. Более того, лингвистика «захватила» всю теорию коммуникации, теорию понимания, теорию восприятия текста, теорию жанров и др. Все знания о *человеке в языке* и *языке в человеке* (термины академика Б.А. Серебренникова) попали в сферу интереса лингвистики. Это не только антропология, культурология, социология, но и микробиология, генетика, нейронауки и даже квантовая механика. Результатом такой интеграции стало нейролингвистическое программирование. Данная наука занимается «проблемой влияния, которое оказывает язык на программирование психических процессов и других функций нервной системы» [12. С. 16]. Отсюда необходимость постоянного внимания к смежным наукам.

Важнейшие направления современной лингвистической мысли

Мы рассмотрим в этой связи лишь три важнейших направления из нескольких десятков уже зарождающихся и гипотетически возможных в современной лингвистике для выявления процессов, происходящих в ментальных мирах с помощью языка. Их объединяет тот факт, что решение данных проблем можно найти только благодаря использованию интегративного подхода, т.е. использования данных различных наук — от философии, социологии, антропологии до нейробиологии, генетики, психологии и др. 1. Глубинные основы языка и ментальности человека. 2. Язык как средство выражения Божественной Истины. 3. Язык как средство формирования характера и культурных установок народа.

Глубинные основы языка и человеческой ментальности

В последние десятилетия семантика, поэтика, прагматика и другие гуманитарные области знания проявляют значительный интерес к глубинному знанию, хранящемуся в языке, в слове. В. Гумбольдт впервые назвал несколько ключевых положений проблемы реконструкции трансцендентных смыслов, т.е. скрытых смыслов, находящихся за пределами словарного значения, при этом он подчеркнул одно принципиально важное обстоятельство: «язык не в силах выразить Несказанное, но он способен помочь в него проникнуть» [13. С. 378].

Л. Ельмслев в середине XX века писал: «На первом этапе лингвистическая теория была создана как имманентная... Временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка его тайны...» [14. С. 240]. В последние годы стало ясно, что человеческое познание проникает «в недра... психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы... с выходом на концептуальные построения языка» [15. С. 38]. И действительно, если традиционная лингвистика — это превращение языка из тайны в систему единиц и сеть значений, то тенденции современной лингвистики — желание посмотреть в обратном порядке — на глубинные основы языка через систему значений и смыслов. Еще в конце прошлого века возникла отдельная область знаний — нейролингвистическое программирование, в котором считается, что слова и фразы языка — это поверхностные структуры, которые лишь в самых общих чертах выражают глубинные структуры. Следовательно, путь к раскрытию тайн языка, тайн смыслов — это путь современной лингвистики.

Как отметил П. Рикер, каждое слово (высказывание) охватывает «венчик невыразимого» [16], который в любое время может проявиться при функционировании языка, показывая всю глубину и многоликость слова, раскрывающего в разных ситуациях разные свои грани: *Все, что ни/не делается, — к лучшему*. И дело здесь не в правилах правописания частиц, а в смыслах, которые нужно выразить: нужно или все же не нужно что-то делать, чтобы все

было хорошо, т.е. в исходном выражении обнаруживаются прямо противоположные глубинные смыслы. И это не простая многозначность, а проявление именно глубинного содержания.

Подтверждение сказанному можно увидеть у Т.В. Черниговской, которая в результате нейролингвистических и нейробиологических исследований пришла к выводу, что «язык включает в себя, кроме алгоритмов научения, и невычисляемые пласты» [17. С. 64]. А польский мыслитель С. Лем написал еще образнее и ярче: «где бы ни появлялось значение — за ним выползают кошмары бесконечности, зыбкости, неопределенности, а все квантовые, поэтапные, точные действия тонут в наплыве проклятого смыслового мрака» [18. С. 236]. На этом явлении основаны так называемые ювелирные метафоры, небрежные метафоры, из которых мерцают смыслы, мир в них двоится и троеится. Такие метафоры, выползая из «кошмара зыбкости», рожают не просто красивые поэтические образы, а новые знания: *...хозяйка красную луну/ медлительно впрягает в тишину/ у неба на невидимом пороге* (Дм. Бураго). Здесь молчание (тишина) далекой дороги вплетается в молчание луны, все это происходит в мире, но оно недоступно прямому наблюдению: *находится на невидимом пороге*.

Рассмотрим еще пример, когда из мрака неизвестности рождаются абсолютно новые знания. Это стихотворение О. Мандельштама «Silentium»:

*...Да обретут мои уста
Первоначальную немому –
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста* (О. Мандельштам)

Как видим из этих строк, молчание есть возвращение к дословесной форме (*первоначальная немота*); отказываясь от слова, мы попадаем в мир особого состояния первородной чистоты кристалла: *кристаллическая нота* — это мировые космические ритмы; в стихотворении сливаются мир природы (*кристалл*) и мир культуры (*нота*). *Кристаллическая нота* — метафора идеальной речи, которая есть полное молчание. А сама Музыка у поэта это метафора тишины. Н. Гумилев выделил основную идею этого стихотворения как «колдовское призывание до-бытия». О. Мандельштам часто использует метафору кристалла в своем творчестве, например, в стихотворении «*Может быть, это точка безумия*» — *соборы кристаллов сверхжизненных*, но здесь на первый план выходят иные смыслы — совесть, будучи узлом жизни, подобна *сверхжизненному кристаллу*, т.е. в кристалле высвечивается еще и нравственная сущность.

Философы считают, что М. Бубер открыл роль молчания диалоге, которое используется вместо слова. Оказывается, до него О. Мандельштам совершил это открытие, показав, что подлинный диалог — это волшебство, происходящее на доязыковом уровне. Это и есть новые знания, зафиксированные поэтом. Таким образом, проникновение в язык и есть проникновение в трансцендентное. Сам язык есть феномен, позволяющий приоткрыть тайны мира.

Например, в философской концепции О. Розенштока-Хюсси Логос не только «слово», но и «сила языка».

Еще В. фон Гумбольдт писал: «В языке действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать...» [13. С. 37]. Наиболее активным репрезентантом глубинного в языке является поэзия, сквозь которую ярко мерцают глубинные смыслы. Рассмотрим для примера стихотворение современного поэта Дм. Бурого «Бе-бе». Бе-бе у него символ чего-то непонятного, но вредного и ненужного человеку:

(1) ...гуляет кот по снегу,
таит себя в себе,
а на него с разбегу —
жестокое Бе-бе!

И даже не понятно,
откуда здесь оно —
и что это за пятна,
и что за полотно?

Бе-бе здесь и человек, и стихия, и явление одновременно:

Глаза пылают далью,
окутано все в шаль,
под снежную вуалью
поблескивает сталь.

Бе-бе чего-то хочет!
Бе-бе чего-то ждет!
Так призрачно гогочет —
что жалобно жует.

Здесь возникает сложная, разноуровневая оппозиция, такие, как уже хорошо известные *фон* — *фигура*: для выявления *фигуры* необходим *фон*, а сам *фон* существует самостоятельно и независимо от *фигуры*. Это ДОВОРО и ЗЛО, умение дифференцировать которые всегда было одной из самых трудных и мучительных проблем для представителей большинства лингвокультур. В таких сложных дуальностях есть глубинные смыслы, увидеть которые помогает синергетический подход. С одной стороны — это двуединость, которая лишь вместе составляет целостность, но ее составляющие не симметричны. *Бе-бе* — это и *зло* и *добро* одновременно. Но отсутствие добра еще не есть зло. В языке лирики Дм. Бурого происходит загадочное и непонятное на первый взгляд событие: как будто бы независимо и спонтанно от автора объединяются члены оппозиции в одно целое, они как бы дополняют друг друга внутри целостной оппозиции. Зло на земле нужно хотя бы для того, чтобы оттенить и лучше понять добро. Зло сотрясает мир, провоцируя человека, чтобы тот задумался о благе и о добре. Благо (благополучие) всегда связано с Богом. В христианстве Благим (Всеблагим) именуют Бога [19. Мф. 19:17]. Таким образом, в данном стихотворении *Бе-бе* оказывается важным инструментом самоанализа, самопознания и самопонимания.

Стихи похожи на сновидения тем, что они возникают где-то в глубинах подсознания в виде диффузных, ирреальных образов. Читатель/слушатель воспринимает эти зыбкие образы, вводя их в свое сознание: они рождают новую фантастическую реальность, которая легко воспринимается как высокая поэзия, но интерпретируется с трудом: *И в нем (молчании — В.М.) по глади пасмурной в глубинах неба топкого / пройдут бочком опасности, поглядывая робко./ обиды вскружат омуты, дрожь охолонутся./ ведь обижаться хлопотно, когда деревья гнутся* (Дм. Бурого). Мираж образов, сквозь который скрытое за порогом нашего восприятия делается видимым, проявляет нам мысль: бесполезно обижаться на мир, который предстает перед нами как нечто кажущееся, зыбкое и призрачное. Образы в поэзии накладываются друг на друга, сменяются один другим, и простой логикой это объяснить невозможно:

(2) *На алкогольных треках,
на всех кострах
хохочущие веки
моргают.
Включите человека
сплеча,
в сердцах!* (Дм. Бурого).

Но здесь своя логика, основанная на глубинных смыслах, которые раскрывают внутренний мир лирического героя: на душе беспокойно, мир в ожидании. Слова здесь имеют неопределенные смысловые границы, позволяющие им сочетаться с самыми неожиданными словами (*веки хохочут*), туманные смыслы (*Включите человека сплеча*), понимание которых возможно с позиции синкретизма, что позволит нам проникнуть «через видимость в сущность» [20. С. 30]. Поэзия заставляет нас обратить внимание на то, как вплетаются в семантику слова наши знания о мире, наши эмоции в процессе миропостижения. Поэзия транслирует сознание автора, но через ее познание идет познание самого себя читателем.

Глубинные знания просматриваются сквозь слово, которое хранит в себе значительно больше, чем на первый взгляд кажется. Внутри слова целый мир, в нем сила и энергия. Поэтому мы говорим: *мощь слова, искрометность, одухотворенность слова, теплые слова, слово излучает свет, жизнь слова, слово — молния* и т.д. Язык — форма духовной энергии, и эта энергия светоносна. С. Булгаков писал: «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию...» [21. С. 26, 31]. Современные ученые подтверждают, что любое сказанное слово — это своего рода волновая генетическая программа, связанная с ритмами Космоса, оно влияет не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков как «след памяти слова». Объяснение этому нашли недавно итальянские ученые, которые установили, что у Вселенной и мозга сходный уровень сложности и самоорганизации: сеть галактик и нейронная сеть мозга аналогичны по строению и «работе», в них не всегда действуют каузативные отношения.

Язык тоже саморегулирующаяся система, многое в нем происходит, не сообразуясь с причинными объяснениями, чему свидетельством могут быть многие выражения типа *теплый шарф*, *группа продленного дня*, *дождь идет*, которые невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла: шарф сохраняет тепло, но не сам теплый; не поддается разумному объяснению через интерпретацию слов *группа продленного дня*; дождь на самом деле падает, а не идет. Еще пример: *Все в руки шло, но шло из рук вон плохо*. Три знаменательных слова в первой части сложного предложения повторяются во второй части, здесь представлена игра слов (*шло в руки — шло из рук*), но во втором случае эти слова включаются в состав фразеологизма — *из рук вон плохо*, что вносит заключительный аккорд — «все плохо». Понять глубину значит объяснить связи между словами, порождаящие новые смыслы.

Помимо значения, слова могут заключать в себе глубинную культурную информацию, на которой основаны разного рода коннотации, порой алогичные и неожиданные. Так, фразеологизм *выносить сор из избы*, который был блестяще проанализирован В.Н. Телия, хранит в себе знание культуры. Именно культурная информация позволяет объяснить, почему позитивное действие (избавление от мусора) получает негативную коннотацию: *выносить сор из избы* — ‘это плохо’, и потому у фразеологизма формируется негативное значение — «разглашать сведения, которые должен знать только узкий круг людей». В русских поверьях считалось, что вынос сора из дома ослабляет семью, живущую в нем, делает ее уязвимой для темных сил, поэтому мусор сжигали в печи. До сих пор мы видим отголоски этого в наказах старшего поколения не выносить мусор вечером.

Проблема глубинных (трансцендентных) смыслов, находящихся в недрах языка, впервые была обоснована в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, в котором он писал о «возможности мыслить немислимое» [22. С. 427]. Л. Витгенштейн считал, что трансцендентная область есть во всем, что мы говорим. Именно в сфере непознаваемого находятся истоки жизни. Сказанное хорошо просматривается в творчестве крупных национальных поэтов, например, М. Цветаевой:

(3) ...*Хлынула ночь! (Слуховых верховий*
Час: когда в уши нам мир — как в очи!)

Зримости сдернутая завеса!
Времени явственное затишье!
Час, когда, ухо разъяв, как веко,

Больше не весим, не дышим: слышим («Ночь», 1923).

Больше не весим, не дышим: слышим — в этой фразе заключена высшая форма молчания, при которой все материальное уходит, а раскрываются высшие смыслы космического уровня. Тишина в природе превращается в особую разновидность тишины безмолвие, а котором пульсируют особые смыслы, и мы в них погружаемся. Такие смыслы даются как откровение, и в этом проявляется генетический код языка, который соотносим с кодом человеческим.

Не случайно проф. В.А. Звегинцев писал, что язык «главный же свой секрет прячет в подоснову, в далекие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы...» [23. С. 301].

Изучение иррационального, трансцендентного, глубинного в языке дает хотя бы некоторые ответы на вопросы в этой области человеческого познания и ментальности. Правда, вопросы здесь преобладают над ответами. И технический прогресс не сможет помочь: иррациональное недоступно компьютерному мышлению. Прогнозирую услышать мнение-приговор: «Это не лингвистика». Здесь хочется подчеркнуть, что сфера интереса лингвистики сейчас изменилась. Для того, чтобы познать какое-то явление языка, не обязательно разлагать его на составляющие, нужно посмотреть в его глубинные основы, соотнести его со смежными явлениями человеческого сознания, культуры и даже Космоса.

Язык как средство выражения Божественной Истины

Еще одна проблема, которая упускалась из виду в системно-структурном языкознании и которая вытекает из понимания единства мира и всего живого в нем, — это переход на антропокосмическую парадигму (В.И. Постовалова), в которой человек предстает как образ и подобие Божие, соответственно, язык нужно рассматривать в системе — **язык — человек — Бог — космос**. В своих предвидениях новых путей в гуманитарном познании Ю.С. Степанов выделяет два основных направления: 1) введение в парадигму современного гуманитарного знания элементов авангардного стиля мышления, что позволит по-новому увидеть старые традиционные знания; 2) стремление ввести в парадигму элементы богословского мышления [10]. Именно второе направление избрано в данном разделе — это видение языка как духовной реальности.

В «Философии имени» С. Булгаков, представитель философской школы Всеединства, пишет: «Язык дан человеку, потому что в нем и через него говорит вся вселенная, он есть логос вселенной...» [21. С. 26, 31]. Слово устанавливает связь человека с Богом, через слово начинается диалог с Богом. Как считает М.М. Маковский, лексемы *слово*, *говорить*, *речь* этимологически связаны с лексемами *храм*, *рок*, *гореть* и др. [24].

Для лингвистов данный подход позволяет обратить внимание на такие аспекты языка, которые недоступны для традиционного описания языка, но они играют огромную роль в формировании духовного кода нации, потому что язык есть духовная активность человека: «Язык, будь то отдельное слово или связанная речь, есть акт духа, его подлинно творческое действие...» [25. С. 197].

С начала третьего тысячелетия, ученые все чаще говорят об «интегрировании теологического знания в мировоззрение и культуру» [26. С. 5]. Многие гуманитарные науки ориентируются на целостное знание о Боге, мире, человеке, на синтез науки, культуры и религии, обращая при этом внимание на язык. Внимание к языку усилилось не только в религиозной философии, но и в философии вообще. Можно констатировать перевод классических философских

проблем в плоскость языкового анализа (власть над словом дает власть над вещью, явлением). Со словом работают не только М. Бубер, М. Хайдеггер, но и наши современники — М. Мамардашвили, А. Лекторский и др.

Вся современная гуманитарная наука так или иначе учитывает влияние веры на нашу жизнь. Так, лингвисты неоднократно указывали на взаимосвязь религии, культуры и языка (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Т.Е. Владимирова, Е.Е. Иванов, Ю.Н. Караулов, В.Б. Касевич, В.А. Маслова, Н.Б. Мечковская, В.М. Мокиенко, В.И. Постовалова, К.А. Тимофеев и др.). Например, Н.Д. Арутюнова понимала язык как «систему символов, за которыми стоит духовная жизнь людей» [27. С. 657—658]. Литературоведы утверждают, что Бог и христианские ценности были фундаментом русской литературы на протяжении XVIII— начала XX веков [28. С. 59]. Ф.И. Достоевский писал: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [29. С. 176].

Современные ученые все чаще отмечают, что без учета данных теологии, построенной на божественной идее происхождения мира, нельзя создать настоящему научную картину мира, хотя в XX веке религиозная и научная картины мира были антиподами при миропонимании. С исключением идеи Бога, развиваемые учеными модели мира и языка будут неполными [30. С. 6].

Американский биохимик, лауреат Нобелевской премии Альберт Сент-Дьерди полагает, что мозг человека не предназначен для мышления: он есть орган приспособления к миру, орган выживания (как когти или зубы у животных). При операциях на мозге И.П. Павлов, Св. Лука (Войно-Ясенецкий) и другие физиологи и нейрохирурги сталкивались с таким явлением, когда у человека отсутствует по разным причинам большая часть мозга, но мышление и психика были не нарушены, человек живет полноценной жизнью. Много таких примеров приводит В. Вейник в книге «Термодинамика реальных процессов». В чем тайна мозга? Современные физиологи подтвердили, что в мозге нет отделов, ответственных за мышление. Библия тоже не считает мозг органом мышления, согласно Ей, мыслит сердце: «они злое мыслят в сердце» [19. Пс 139:3], но сердце — духовный орган. Главное назначение мозга — управлять всеми процессами жизнедеятельности человека. Только Всевышний способен творить мысль, которую он вкладывает в человека как в сосуд (метафора человека по Библии). Так, в адрес апостола Павла Господь сказал: «он есть Мой избранный сосуд» [19. Деян 9:15].

Еще один нюанс, добавляющий вопросов, а не ответов, — это величайшее открытие Ивана Панина. Он математически доказал, что каждое слово в Библии продиктовано Творцом, поэтому в ней заключена абсолютная истина. Опираясь на текст Библии, В. Вейник открыл новые законы и явления: хрональное и метрическое. С их помощью акад. В. Вейник доказал, что рядом с нами и внутри нас имеется сверхтонкий мир (31. С. 199). В этом мире действуют принципиально иные законы — духовные, которые изложены в Библии: это 10 заповедей в Ветхом Завете и 9 блаженств евангельских в Новом.

В духовном мире действует Промысел Божий, и пути Его неисповедимы. Физические законы, в отличие от духовных, изучаются в школе. Духовные же открываются избранным. Поэтому, как пишет В. Вейник, многое в науках и искусстве — дар лукавого. Иустин Попович также считал, что все учения делятся на 2 вида: учения от Христа и учения от антихриста. Следовательно, загадок на сегодняшний день больше, чем доказанного.

Но кое-что уже известно. Так, действительно, религиозное сознание особенно чутко реагирует на слово, бережно относится к слову. Сейчас в современной лингвистике (теолингвистике) активно разрабатываются проблемы религиозной картины мира, религиозных концептов и религиозного дискурса, а также герменевтики и текстологии сакральных текстов [32].

Духовно-культурное пространство нации формирует наш язык, через который мы постигаем свою сопричастность Богу и который поэтому должен восприниматься как знак Божественного присутствия, инструмент Богообщения. Не случайно С.С. Аверинцев одну из своих последних статей назвал «Мы призваны в общение» [33]. По А.Ф. Лосеву, Слово — место встречи Бога и мира. Язык рассматривается им как одна из форм энергии, имеющей божественное происхождение. Каждое слово понимается А.Ф. Лосевым как причастное Божественному Логосу, связанное с именем Бога.

Как показали исследования ряда авторов (А.А. Бувевич, Т.Е. Владимировой, А.К. Гадамского, В.И. Постоваловой и др.), концепт «Бог» — базовый концепт русской культуры, на основе которого формировались сознание и характер русского человека. В русском понимании Бог — это нечто непознаваемое, сильное, справедливое, доброе, т.к. он любит нас. Это наш Спаситель и объект поклонения, и все это язык хранит в своих пословицах и поговорках. Так в словаре В.И. Даля более 200 пословиц посвящено Богу: *Жить — Богу служить; Никто не может, так Бог поможет; Велико имя господне на земли.* Бог в русском языковом сознании «Человеколюбче», «Владыка», «Хранитель», «Создатель», «Утешитель», «Царю Небесный» и т.д. Он характеризуется в высшей степени положительно: *пречудный, предивный, преславный, премилостивый, премилосердный, пресветлый.* В русском языке есть такие пословицы и поговорки: «*Есть Божий суд*» (М. Лермонтов), «*Побойся Бога*», «*Без Бога не до порога, а с Богом — хоть за море*», «*Бог дал, Бог и взял*», «*Бог любит смирение*» и т.п. В эти выражениях Бог предстает не только всевидящим и наделенным особой властью, но и справедливым судьей, от которого ничего не скроется. В русских пословицах показано стремление к Богу, к жизни под знаком Бога. Человеку не «все дозволено» (Ф.М. Достоевский), над ним есть сила более высокая и святая — Бог.

Как показывают наши исследования, концепт «Бог» отражает ядро православной ментальности и является главной ценностью русских, в нем воплощаются все самые высшие качества и моральные ценности. Такие концепты, как «Бог», «судьба», «вера», являющих собой ментальное и культурное ядро мировидения русского народа, с одной стороны, являются универсальными,

а с другой, обладают специфическими особенностями, свойственными каждому отдельному народу.

Многие русские слова, именующие различные психические состояния, в глубине своей связаны с познанием Бога, например, *сопереживание как безусловное принятие и разделение переживаний, эмоций и психических состояний другого*, это объединение своего переживания и переживания другого человека, совместное переживание. Чтобы испытывать его, требуется способность оказаться на месте другого. Сходны с ним страдание — сострадание (с синонимами), данные слова в русском языковом сознании *опираются* на христианское понимание страдания как нравственного чувства, которое теснейшим образом связано с милосердием, милостью, сопереживанием.

Язык, как считает П.А. Флоренский, — это свет божьей благодати, излитой на человека. Для русской культуры важно не только, как язык Священного писания влияет на обыденный язык, но и как русское слово вбирает в себя религиозные смыслы и хранит их, передавая из поколения в поколение. Например, русское духовное выражение *благая весть* на английском языке звучит как *хорошие новости*; русское слово *честь* также содержит духовные смыслы, которые, хотя и исчезли из современного языка (ср. *честный человек*), но отблески смысла *честность = святость* сохранились в выражениях *всечестные отцы*, в пословице *Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает*. Как видим, религиозное сознание особенно чутко относится к слову, хранит его сакральные смыслы.

Обозначая мир, слово как бы творит его. Дать имя вещи — значит сотворить мир вокруг себя. В слове хранится духовный опыт народа. Зная это, Г.П. Федотов писал: «Мысль, слово, форма и звук важнее практических материальных вещей, ибо имеют более близкое отношение к цели культуры, к самому смыслу существования нации» [34. С. 25].

Русские верят в магию слова: «Словом преобразуется жизнь, и словом же жизнь усваивается духу», — писал П.А. Флоренский [35. С. 97]. Русский язык, по словам В.Г. Костомарова, способен «действовать на эмоции, минуя разум». Общепризнано, что русский человек — это мечтатель, который чаще идет за «голосом сердца», а не за рассудком.

Человек в русской лингвокультуре воспринимается как духовное существо: «Действием святого духа и горением сердца к Богу земной человек преобразуется в духовного» [36. С. 20]. Эта идея была высказана еще В. Гумбольдтом, который утверждал, что язык и дух народа «составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальных способностей» [37. С. 68]. Тело человеческое — это материальная оболочка для душ, которая и по своему происхождению дальнейшей жизни является Божественной.

Бог гармонизирует мир, в котором мы живем, ибо сам он есть глубинная гармония мироздания. Востоковед и писатель Л.В. Шапошникова считает: «пространство грядущего XXI века, по всей видимости, и станет главным полем процессов синтеза религии, науки и искусства, которые приведут к формированию качественно нового сознания и мышления, к созданию новой

системы Знания и Познания» [38. С. 62]. В результате такого видения религиозные знания, будучи одной из форм общественного сознания, проникают в различные науки. Появились такие новые научные направления, как биотеология, психотеология, нейротеология, экотеология, теолингвистика и др.

Существует такая русская поговорка — *Доброе слово лечит, а злое калечит*. В ней свидетельствуется об энергии слова, его силе. Поэтому энергией произнесенных когда-то нами слов пронизано все информационное и культурное пространство вокруг нас. Через слово осуществляется связь с Творцом, поэтому Слово и есть Творец.

Если для лингвиста сила слова определяется его смыслом и контекстом, в который оно помещено, то в богословии Слово обладает особой силой: посредством его, согласно Библии, происходит сотворение мира и всего сущего в нем [39. Евр. 1:3]. Словом Бог заставляет море расступиться, и по его дну евреи уходят от преследователей (Мк. 4:39), Иисус Христос исцеляет больных [31. С. 199; 19. Мф. 17:18; Лк. 9:27; 4:35; 39, 41), изгоняет бесов [19. Мф. 8:16]. Божественное Слово — это вместилище энергии, которая имеет власть над миром и вечностью, приближает к сокровенному. Как считает В.И. Постовалова, здесь «работают» «сокровенные моменты лингвистического опыта, относящиеся к области мистической прагматики» [40. С. 137]. Вероятно, всякое слово изначально было носителем энергии духа. И человек на этом этапе осознавал его особую роль и силу, его божественную сущность. Однако с развитием цивилизации мы утратили это свойство.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют в пользу расширения горизонтов лингвистики в сторону религии с целью выявления религиозных смыслов в русской лингвокультуре. Это и есть попытка совместить правду человеческую с правдой Божьей. Дух народа, по В. Гумбольдту, это его язык. Отсюда следует, что русский язык, русское слово — заключает в себе дух русского народа, а русский человек — «симфоническая личность», по Л.П. Карсавину, но дирижер здесь Бог, поэтому понять русского человека нельзя без учета религиозных ценностей и источников, формирующих его нравственные устои.

Язык как средство формирования характера и культурных установок народа

Язык является средством формирования культурных установок общества, он не только хранит духовные и культурные достижения, но и определяет путь народа в будущее. В каждом национальном языке сформированы и хранятся для будущих поколений культурные установки, т.е. предписания культуры, которые ориентируют человека в его поведении, жизненной практике, народной философии, являются образцами для подражания. Понятие культурной установки ввела В.Н. Телия, которая считала установки стержнем национальной культуры: «Основным стержнем культуры, организующим ее в особую часть картины мира, является совокупность ее установок, т.е.

ментальных образцов, играющих роль прескрипций для социальных и духовных практик» [41. С. 18]. Культурные установки тесно связаны с ценностными ориентирами. Они зафиксированы в пословицах, поговорках, фразеологизмах, отдельных лексемах и текстах, не только религиозных, но и художественных, научных. Приведем примеры: *Труд человека кормит, а лень портит*; *Цыгану без обману дня не прожить*. Как правило, поговорки, пословицы, афоризмы, фразеологизмы содержат установки культуры в эксплицитной форме: *садиться не в свои сани*; *ломать шапку*; *встать пораньше, да шагнуть подальше*. В них представлены правила поведения, которые нужно или не нужно выполнять: те, которым не нужно следовать, в культуре не поощряются и имеют следующие пометы в словаре — «неодобрительно», «презрительно», «пренебрежительно». Некоторые установки культуры имеют имплицитный характер и потому требуют интерпретации. Например, фразеологизм *ждать у моря погоды* содержит в себе негативную оценку такого поведения, т.к. установка культуры направлена на активное поведение. Например, отсутствие большой логики в русском языке, способность улавливать те смыслы, которые в других языках даже не просматриваются, свидетельствуют о попытке охватить и объяснить весь мир сразу и со всех сторон, и в этом тоже проявляется широта русской души, по Н. Бердяеву. Попробуйте объяснить диалоги: 1. *На что Вам жить? — Живите на здоровье!* 2. *Что ты сейчас делаешь? — Варю суп. — Из чего? — Из последних сил!* 3. *Слышал, умерла ваша теща. Что у нее было? — Да так, ерунда: старый телевизор и диван*. Или увидеть правильное толкование слова *недоумение* как «профнепригодность» ввиду отсутствия ума, родственное слово *недоумок*.

Культурные установки способны формировать национальный характер. Характер как понятие философии, социальной психологии и других наук — одна из достаточно размытых и плохо определяемых категорий. В переводе с греческого «характер» (*character*) — «чеканка», «примета», «печать». Проблемой характера заинтересовались еще в древности. Так, Аристотель и Платон предлагали определять характер человека по схожести с внешностью животного, потом сравнивали человека с характером этого животного. По Аристотелю, широкие, как у быка, ноздри, символизировали лень; широкий, как у свиньи, нос — глупость; нос, как у льва, — важность, жесткие волосы, как у львов и кабанов, — храбрость и т.д. В XVIII веке И.К. Лафатер утверждал, что характер человека можно определить по строению его головы. Пытались определить характер по походке (О. Бальзак) и т.д.

К настоящему времени существует много работ, посвященных проблеме характера. Наиболее успешно проблемы характера решает психология и частично философия. Прежде всего, это работы Т. Абрахама, В. Райха, А. Лоуэна, Э. Фромма, а также отечественных ученых П.В. Симонова, П.М. Ершова, А.Р. Лурия, В.А. Крутецкого, Р.С. Немова, В.М. Русалова и др. Например, Э. Фромм определяет характер так: «Характер — это специфическая форма человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в

определенном обществе» [42. С. 127]. Проанализировав большинство из них, мы пришли к выводу, что характер — это модель поведения, присущая данному человеку, это каркас личности.

В.А. Крутецкий считает, что главное в определении характера — это его отношение к людям и его поведение в определенной ситуации «как способ осуществления этих отношений» [43. С. 61]. По мнению Р.С. Немова, характер можно отнести к числу инструментальных свойств личности, характер определяет манеру выполнения деятельности [44]. В характере каждого человека необходимо видеть единство устойчивых и динамичных свойств. Характер как раз и есть та сущность, исследовать и понять которую можно только интегрировав знания ряда наук. Так, с точки зрения нейробиологов, характер есть сплав черт нервной системы и жизненных впечатлений, которые закрепляются в виде временных нервных связей в мозге человека. С точки зрения социальных наук характер является следствием отражения внешней среды; он формируется через взаимодействие личности и мира, с которым личность сталкивается в самых разных ситуациях.

Психология, философы, лингвисты, антропологи и представители ряда других гуманитарных наук установили, что характер может определяться следующими чертами: 1) бытовые черты — аккуратный — неаккуратный, чистый — грязный, пьяница и т.д. 2) интеллектуальные — умный — глупый, образованный — необразованный, развитой — тупой; 3) психические — храбрый — трусливый, веселый — печальный, надменный — смиренный; 4) социальные — общительный — необщительный, независимый — покорный, честный — нечестный и т.д.; 5) идеологические — патриотичный — непатриотичный, националист — космополит [45].

Таким образом, «человек» и «характер» — базовые понятия не только лингвистики, философии, психологии, культурологии, социологии, антропологии, этнографии, но и ряда других наук, без их данных невозможно адекватное представление о данном феномене. Лингвисты также способны внести свой вклад в развитие теории характера.

Справедливости ради нужно сказать, психологи США не считают характер компонентом личности. Вероятно, это и послужило толчком к дискуссии, развернутой в 2012 году на страницах журнала «Политическая лингвистика». Некоторые авторы (М.В. Безродный, А.В. Павлова и др.) отрицали наличие характера вообще и национального характера в частности. Не вдаваясь в подробности дискуссии, хотелось бы заметить, что термин *характер* некоторые исследователи пытаются заменить *ментальностью*, термином социальной психологии и современной лингвистики. Нам эти попытки представляются несостоятельными. Во-первых, потому, что ментальность, по В.В. Колесову, это «специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества» [46. С. 51]. По А.Я. Гуревичу, ментальность — это способ видения мира, это уровень общественного сознания [47. С. 76]. Как видим, ментальность гораздо шире понятия «характер». Ментальность — это способ

мировидения вообще, это мирозерцание в категориях родного языка, т.е. в ментальности объединяются интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных ситуациях.

Во-вторых, ментальность проявляется не только на уровне языковой, наивной, но и концептуальной картины мира (Ю.Д. Апресян, Е.С. Яковлева, О.А. Корнилов). Так, академик Ю.С. Степанов, говоря о национальных особенностях русской и французской математических школ, пишет: «Научные парадигмы приобретают не только временные очертания эпох, но и очертания национальных стилей мышления» [48. С. 389]. Поскольку существует национальный стиль мышления, национально обусловленное поведение, то должен существовать и национальный характер, который является основой названных сущностей. Если бы не существовал национальный характер, то как бы создавались и хранились в культуре серии анекдотов о национальном характере?

Высказанные соображения не позволяют нам отказываться от того, что вызывало интерес у ученых на протяжении тысячелетий — от изучения характера. Мы считаем характер ядром личности, тем фундаментом, на котором выстраивается личность в ее целостности. Характер — социолингвистическая категория. С одной стороны, конкретный язык позволяет увидеть мир несколько по-иному, чем представитель соседнего народа, но с другой — язык навязывает личности свою систему категорий, свой способ концептуализации мира.

В. Гумбольдт считал, что через язык можно понять дух и характер народа. В недрах нейробиологии и нейролингвистике сформировалась концепция о языке как об орудии, формирующем человека, хотя в традиционной лингвистике превалирует точка зрения, согласно которой именно человек в процессе эволюции порождает язык. Психологи считают, что общественные установки формируют потребности и направленность личности. Формирование характера идет через включение личности в разные социальные группы (семья, дружеская компания, учебная группа, трудовой коллектив, объединения по интересам и т.д.). В зависимости от того, как проходит социализация личности в референтной для нее группе, у личности могут формироваться то правдивость, храбрость, открытость, твердость характера, то лживость, трусость, конформность, слабохарактерность.

Таким образом, мы считаем характер ядром личности, тем фундаментом, на котором выстраивается личность в ее целостности и вариативности. Как же представлен характер человека в языке и языковом сознании? Через пословицы, поговорки, фразеологизмы, отдельные лексические единицы, в которых зафиксированы национальные ценности, поступки и устойчивые способы поведения. Именно они позволяют выявить основные черты (характеристики) национальной личности. В языке зафиксировано значительное количество черт характера: по данным словаря их около 5000 слов [49].

Огромную информацию о человеке и его характере фиксируют в себе поговорки, пословицы, афоризмы, культурные установки, ценности и т.д. Пословица создается на основе повторяющихся жизненных ситуаций, поступков, регулярного поведения. С позиции когнитивной лингвистики вместо

ситуации анализируется когнитивный фрейм или когнитивный сценарий. Такой подход позволяет вновь возникающие ситуации вложить в старые мыслительные схемы, что мы и видим на примере возникновения новых пословиц: *Кто быстро гонит, того медленно несут*.

В русском характере значительное место занимает удаль (*Мал да удал; Семь бед — один ответ*); смелость (*Смелость силе воевода; Смелость города берет; Кто смел, тот и съел*); умение прийти на помощь (*На велико дело — великая помощь; Поменьше слов — побольше дела*); в пословицах содержатся советы и культурные установки поведения: не воруй (*вор не бывает богат, а бывает горбат; плуту да вору честь по разбору*); не обманывай (*не ищи правды в других, если в тебе ее нет*); не ленись (*без дела жить — только небо коптить; хочешь есть калачи, так не сиди на печи*), будь патриотом, люби свою землю (*своя земля и в горсти мила; чужая сторона — мачеха*); нехорошо трудные дела отдавать другим (*чужими руками жар загребать*) и т.д. Как известно, опыт и культурные установки формируют характер.

В каждую эпоху создаются *новые пословицы*: *Кто в колхозе трудится, у того все сбудется. Хлеб дает нам не Христос, а машина и колхоз. Хорошая нива только у коллектива*.

Если раньше в пословицах утверждался позитивный опыт народа, то в наше время в них происходят самые различные трансформации, сводящие смысл до негативного: в ранг установок культуры, т.е. норм поведения, возводится нетерпимость (*Каждой твари — по харе*); нежелание исполнять обещания (*Обещанного три гада ждут*); воровство (*Кто спер, тому пер* (удача) и т.д. Многие пословицы трансформируются так, что возводят в норму негативное поведение: *Если гора не идет к Магомету, значит, Моисей больше заплатил*. Следовательно, меняется национальный характер — меняются пословицы и афоризмы, которые, в свою очередь, формируют характер следующих поколений.

В любом европейском языке есть большое количество слов, грамматических категорий, фразеологизмов и прагматических средств для передачи каждой из черт характера. Это еще раз подчеркивает, что изучение человека и его характера сквозь призму языка чрезвычайно актуально. О типично русских чертах пишут Д.С. Лихачев, Ю.Н. Караулов, Г. Гачев и др.

Наблюдения исследователей и писателей показывают нам противоречивый русский характер. Представленные в пословицах, поговорках, фразеологизмах, афоризмах, анекдотах черты как раз и демонстрируют алогичный и противоречивый русский характер. Только русский человек не видит противоречий во фразе: *Умная женщина сама знает, что она дура*.

Россия — страна контрастов и противоречий: «нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной тьмы» [50. С. 107]. Обратной стороной русского смирения является русское самомнение [50. С. 22]. Где грань между верностью и подобострастием, мужественностью и жестокостью, щедростью и расточительностью? Данные вопросы позволяют решить, как наблюдения над языком (не только

художественного, но и других типов дискурса), так и эксперимент (использование триангуляционного метода).

Думается, что особенности национального характера следует выводить из национально-специфического в каждом языке. Причем национальный язык не только закрепляет в своих единицах национальный характер, но и формирует его. Вероятно, только русский человек мог сказать: «Если кто-то рассуждает логично, то тем самым демонстрирует только то, что находится в здравом уме, а не то, что он прав» (эта фраза принадлежит великому физиологу И.П. Павлову). Поэтому исследовать национальный характер лучше всего через язык. Человек закрепил в языке свои внутренние состояния, чувства и эмоции, интеллект, поступки и характер. Не случайно величайший мыслитель XX века М. Хайдеггер сказал, что сущность человека покоится в его языке. Профессор МГУ О.А. Корнилов утверждает, что именно в языковой картине мира «...запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [51. С. 80].

Приведенные особенности языка определяют национальный способ видения мира, национальную картину мира. Б. Уорф писал: «Мы выделяем в мире те явления или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленим мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что ... это...закреплено в системе моделей нашего языка» [52. С. 87]. Таким образом, еще раз подтверждается мысль о том, что язык — это миропонимание и мировоззрение, поэтому по нему можно судить о состоянии общества и нации в целом и каждой языковой личности в отдельности.

Заключение

Лингвистика в наше время стала одной из приоритетных областей человеческого знания вообще, потому что, во-первых, все виды знания фиксируются в языке, а во-вторых, язык не просто хранит эти знания, но и формирует разные формы общественного сознания, — философию, науку, религию, искусство, мифологию. Это позволило Е.С. Кубряковой еще в начале века писать о лингвистической экспансии. Человек ощущает себя неразрывно связанным с природой, Вселенной, отсюда необходимость синтеза разных наук, целью которого является получение целостного видения человека и его языка в мире и Вселенной. Этот путь объединения знаний приведет к раскрытию тайн глубинного познания мира, которое только начинает приоткрываться: например, то, что сознание не жестко связано с языком, его (сознание) едва ли может «схватить» ассоциативный эксперимент, хотя на это долго уповали психолингвисты. Вследствие этой не прямой стыковки языка и сознания мы получили возможность создавать и понимать абсолютно новые сообщения, составленные даже вопреки здравому смыслу.

Для современной науки чрезвычайно важно исследование механизмов взаимосвязи языка и мозга. Полученные в этой области знания помогают понять не только сущность языка, но и сущность человека, потому что мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг: мир для нас таков, каким мы способны его воспринять и описать. Над этой проблемой сейчас работают Т. Нагель, К. Анохин, Ж.И. Резникова и др.

Отсюда необходимость в обучении специалистов полидисциплинарного типа, для подготовки которых нужно собрать лучших специалистов и создать 1—2 университета. Это идея Т.В. Черниговкой, которая сама является лингвистом, физиологом и психологом. Попытки этого уже предпринимаются, например, в Курчатовском институте, но там все вертится вокруг физики, а нам хотелось бы, чтобы в центре была лингвистика, интегрированная с другими науками.

Таким образом, проблемы взаимосвязи языка и сознания, языка и культуры, языка и ментальности, языка и религии, языка и характера — это междисциплинарные, интердисциплинарные (интегративные) проблемы, решить которые можно только совместными усилиями разных ученых. Интегративный подход позволит получить новые знания об устройстве человеческой ментальности, психики, имеющих отношение к бессознательному, о влиянии бессознательно на язык; поможет понять, как действует на человека сильное религиозное, духовное слово, которое является предметом рассмотрения новых гуманитарных наук — лингвофилософии, теолингвистики, теосемантики и ряда других наук. Полученные интегративные знания могут вскрыть некаузальные отношения в мире, обнаружить более глубокие законы бытия.

Библиографический список

1. *Брейден Г.* Божественная матрица. М.: София, 2017.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М. 1974. С. 104—114.
3. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993
4. *Fodor J.* Where is my mind? // London Review of Books. 2009. Vol. 31. No. 3. P. 27—34.
5. *Ильин И.А.* Собрание сочинений в 10-тт. Т. 3. М.: Русская книга, 1994.
6. *Брейден Г., Лаубер Л.* Квантовая формула любви. М.: ЭКСМО, 2012.
7. *Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008.
8. *Маслова В.А.* Концептуальные основы современной лингвистики. М.: Флинта, 2018.
9. *Понтон Д., Ларина Т.В.* Дискурс-анализ в 21 веке: Теория и практика (II) // Russian Journal of Linguistics. 2017. Т. 21. № 1. С. 7—21.
10. *Степанов Ю.С.* Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». М.: Эйдос, 2010.
11. *Падучева Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. 1995. Т. 54. № 3. С. 38—49.
12. *Дилтс Р.* Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2019.
13. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Наука, 1985.
14. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. М.: URSS, 2006.
15. *Берестнев Г.И.* Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX—XXI веков. Липецк, 2017. С. 7—25.

16. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М.: Академический проект, 2008.
17. *Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017.
18. *Лем С.* Моделирование культуры // Знание сила. 2004. № 01. (919).
19. Евангелие от Матфея (МФ). М., 1992.
20. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.: Академический проект, 2001. С. 5—42.
21. *Булгаков С.* Философия имени. СПб.: Наука, 1998.
22. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
23. *Звегинцев В.А.* Предложение и его смысл. М.: МГУ, 1976.
24. *Маковский М.М.* Удивительный мир слов и значений. М.: Высшая школа, 1989.
25. *Гумбольдт Вильгельм фон.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред., с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984.
26. *Назаров В.Н.* Введение в теологию. М.: Гардарики, 2004.
27. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1997.
28. *Граудина Л.К., Кочеткова Г.И.* Русское слово в лирике XIX века. М.: Наука, Флинта, 2010.
29. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1977.
30. *Юрченко В.С.* Космический синтаксис: Бог. Человек. Слово. Саратов: Саратовский университет, 2009.
31. *Вейник В.* Почему я верю в Бога. Минск, 2002.
32. *Верещагин Е.М.* Русский язык и российское православие: Общелингвистическая проблематика // Доклад на XI Конгрессе МАПРЯЛ. 17—22 сент. 2007 г. Болгария, Варна. М.: Ин-т русск. яз.им. В.В. Виноградова РАН, 2007.
33. *Аверинцев С.С.* Спасение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001.
34. *Федотов Г.П.* Собрание сочинений в 12 томах. Т. 2. М.: Мартис, 1998.
35. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 2. М.: Правда, 1990.
36. *Крестьянкин И.* Познати на земле путь Твой. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018.
37. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.
38. *Шапошникова Л.В.* Град светлый. Международный центр Рерихов. М.: МЦР, 1998.
39. *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2006.
40. *Постовалова В.И.* Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Хрестоматии теолингвистики / под ред. А.К. Гадомского и К. Кончаревич. Београд: Универзитет у Београду, 2011. С. 6—12.
41. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13—24.
42. *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992.
43. *Крутецкий В.А.* Основы педагогической психологии. М.: Просвещение, 1982.
44. *Немов Р.С.* Психология. Кн.1. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1987.
45. *Бартминьский Е.* Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. ст. М.: РГГУ, 2009. С. 11—21.
46. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
47. *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75—89.
48. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.

49. Фридман С.А. Человек. Характер и поведение. Толковый словарь. М.: Мнемозина, 2003.
50. Бердяев Н.А. Судьбы России. М.: Эксмо, 2004.
51. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
52. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. Вып. 1. М., 1999. С. 15—59.

References

1. Braden, G. (2017). *Divine Matrix*. Moscow: Sofia. (In Russ.).
2. Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Moscow, pp. 104—114. (In Russ.).
3. Nalimov, V.V. (1993). *In search of other meanings*. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Fodor, J. (2009). Where is my mind? *London Review of Books*. 31(3), 27—34.
5. Пийн, I.A. (1994). *Collected works in 10 volumes*. Vol. 3. Moscow: Russian book. (In Russ.).
6. Braden, G. & Lauber, L. (2012). *Quantum formula of love*. Moscow: EKSMO. (In Russ.).
7. Maslova, V.A. (2008). *Modern trends in linguistics*. Moscow: Academy. (In Russ.).
8. Maslova, V.A. (2018). *Conceptual foundations of modern linguistics*. Moscow: Flint. (In Russ.).
9. Ponton, D. & Larina, T.V. (2017). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (II). *Russian Journal of Linguistics*. 21(1), 7—21.
10. Stepanov, Yu.S. (2010). *Thinking reed. The book is about "Imaginary Literature"*. Moscow: Eidos. (In Russ.).
11. Paducheva, E.V. (1995). V.V. Vinogradov and the Science of the Language of Fiction. *Izvestiya RAN*. 54(3), 38—49. (In Russ.).
12. Dilts, R. (2019). *Language tricks. Changing beliefs with NLP*. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).
13. Humboldt, W. von. (1985). *Language and philosophy of culture*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Elmslev, L. (2006). *Prolegomena to the theory of language*. Moscow: URSS. (In Russ.).
15. Berestnev, G.I. (2017). Synchronicity as an object of cognitive linguistics. In: *Spirituality and mentality: ecology of language and culture at the turn of the XX—XXI centuries*. Lipetsk. pp. 7—25. (In Russ.).
16. Ricoeur, P. (2008). *Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*. Moscow: Academic project. (In Russ.).
17. Chernigovskaya, T.V. (2017). *Schrödinger's Cheshire Cat Smile: Language and Consciousness*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
18. Lem, S. (2004). Modeling culture. *Znanie-sila*, 01(919). (In Russ.).
19. Gospel of Matthew (MF). (1992). Moscow. (In Russ.).
20. Stepanov, Yu.S. (2001). In the world of semiotics. In: *Semiotics: Anthology*. Moscow: Academic project. pp. 5—42. (In Russ.).
21. Bulgakov, S. (1998). *Philosophy of the name*. St. Petersburg: Science. (In Russ.).
22. Wittgenstein, L. (1994). *Philosophical works. Part 1*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
23. Zvegintsev, V.A. (1976). *The proposal and its meaning*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
24. Makovsky, M.M. (1989). *An amazing world of words and meanings*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
25. Humboldt, Wilhelm von. (1984). *Selected works in linguistics*, G.V. Ramishvili (Transt., Ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
26. Nazarov, V.N. (2004). *Introduction to Theology*. Moscow: Gardariki. (In Russ.).
27. Arutyunova, N.D. (1997). *Human language and world*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
28. Graudina, L.K. & Kochetkova, G.I. (2010). *The Russian word in the lyrics of the nineteenth century*. Moscow: Nauka, Flint. (In Russ.).
29. Dostoevsky, F.M. (1977). *Complete works in thirty volumes*. Vol. 28. Book. 1. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

30. Yurchenko, V.S. (2009). *Cosmic syntax: God. Human. Word*. Saratov: Saratov University. (In Russ.).
31. Veinik, V. (2002). *Why do I believe in God*. Minsk. (In Russ.).
32. Vereshchagin, E.M. (2007). *Russian Language and Russian Orthodoxy: General Philological Problems*. In: *Report at the XI Congress of MAPRYAL*, 17—22 Sep 2007, Bulgaria, Varna. Moscow: Institute of Russian language named after V.V. Vinogradov of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
33. Averintsev, S.S. (2001). *Salvation*. In: *New philosophical encyclopedia: in 4 volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
34. Fedotov, G.P. (1998). *Collected works in 12 volumes*. Vol. 2. Moscow: Martis. (In Russ.).
35. Flopensky, P.A. (1990). *At the watersheds of thought (Features of concrete metaphysics)*. Vol. 2. Moscow: Pravda. (In Russ.).
36. Krestyankin, I. (2018). *Learn Your Way on Earth*. Moscow: Sretensky monastery. (In Russ.).
37. Humboldt, W. von. (2000). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
38. Shaposhnikova, L.V. (1998). *Light hail. International Center of the Roerichs*. Moscow: MCR. (In Russ.).
39. *Bible Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments*. (2006). Moscow: Russian Bible Society. (In Russ.).
40. Postovalova, V.I. & Postovalova, V.I. (2011). *Religious concepts in theolinguistic representation*, A.K. Gadomsky and K. Koncharevich (eds.). Beograd: University at Beograd. pp. 6—12. (In Russ.).
41. Telia, V.N. (1999). *Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture*. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Russian culture. pp. 13—24. (In Russ.).
42. Fromm, E. (1992). *The human soul*. Moscow: Republic. (In Russ.).
43. Krutetskiy, V.A. (1982). *Foundations of educational psychology*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.).
44. Nemov, R.S. (1987). *Psychology*. Book 1. Moscow: VLADOS. (In Russ.).
45. Bartminskiy, E. (2009). *Basic stereotypes and their profiling (based on the Polish language)*. In: *Stereotypes in language, communication, culture: collection of articles*. Moscow: RGGU. pp. 11—21. (In Russ.).
46. Kolesov, V.V. (2004). *Language and mentality*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. (In Russ.).
47. Gurevich, A.Ya. (1989). *The problem of mentalities in modern historiography*. In: *General history: Discussions, new approaches*. Vol. 1. Moscow. pp. 75—89. (In Russ.).
48. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian culture*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
49. Fridman, S.A. (2003). *Human. Character and behavior. Dictionary*. Moscow: Mnemosyne. (In Russ.).
50. Berdyaev, N.A. (2004). *The fate of Russia*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
51. Kornilov, O.A. (2003). *Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentality*. Moscow: CheRo. (In Russ.).
52. Wharf, B.L. (1999). *The relation of norms of behavior and thinking to language*. In: *Foreign linguistics*. Is. 1. Moscow. pp. 15—59. (In Russ.).

Информация об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, проф. кафедры германской филологии; филологический факультет Витебского госуниверситета; сфера научных интересов: теория языка, лингвокультурология, поэтика; e-mail: mvavit@tut.by

Information about the author:

Valentina A. Maslova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Germanic Languages, Vitebsk State University named after P.M. Masherov; Research interests: language theory, cultural linguistics, poetics; e-mail: mvavit@tut.by